

Политическая
НАУКА 3
2014

Посткоммунистические
трансформации: политические
институты и процессы

ИДЕИ И ПРАКТИКА

- О.Г. Харитонова.* Цветные революции в контексте теорий демократизации 184
- А. Полезе.* Гражданская кампания «Пора!» на Украине: Четыре вопроса о роли гражданского общества в период цветных революций 211

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

- А.В. Порошин.* Режим с доминантной партией как перспектива политической трансформации посткоммунистических государств 232
- Д.Ю. Мещеряков.* Католическая церковь как политический актор в посткоммунистической Польше: Влияние на партийную политику 249
- Е.С. Глазова.* Формальные институты *versus* неформальные практики: Случай Румынии 260

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛЫ

- М.Е. Ананьева, В.М. Хорунжий.* Обзор журнала «East European politics» за 2013 г. 276

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

- О.Ю. Малинова.* Трудный путь к глобальной политической науке 291
- Ключевые слова и аннотации 299
- Сведения об авторах 311

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Третий номер «Политической науки» посвящен изучению институтов и процессов, институционального дизайна, вызовов и пределов демократического развития и консолидации в посткоммунистических странах.

Классик теории волн демократизации С. Хантингтон включил коммунистические трансформации в третью волну демократизации, которая началась в 1974 г. и завершилась к 1991 г. (году публикации книги «The clash of civilization»). Другие авторы включают посткоммунистические трансформации в отдельную четвертую волну, начало которой датируют по-разному: в 1989 г. (Р. Дооренсплит), в 1991 г. (М. Мак-Фол). Главная особенность коммунистической, или посткоммунистической, волны состоит в том, что большая часть транзитов привела не к консолидации демократии, а к возникновению гибридных режимов, «демократий с прилагательными» (нелиберальная, делегативная, опекунская и др.) или новых типов авторитаризма. В них наблюдаются усиление исполнительной власти, отступление от демократических прав и гражданских свобод, гиперинституционализация партийной системы, персонификация политики, неразвитость гражданского общества и отсутствие конструктивной оппозиции. Эти тенденции анализируются в настоящем номере «Политической науки».

Номер открывается рубрикой «Состояние дисциплины», в которой авторы объясняют результаты посткоммунистических трансформаций и разные режимные результаты через призму структурного, процедурного и институционального подходов. А.Ю. Мельвиль и Б.И. Макаренко анализируют и сравнивают 29 посткоммунистических стран, которые продемонстрировали

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.В. ПОРОШИН**РЕЖИМ С ДОМИНАНТНОЙ ПАРТИЕЙ
КАК ПЕРСПЕКТИВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ
ГОСУДАРСТВ**

В значительной степени трансформация посткоммунистических стран в конце XX в. основывалась на переходе к демократическому политическому режиму. Этот транзит предполагал создание многопартийной системы, проведение выборов на конкурентной основе и периодическую сменяемость власти в результате электоральных процедур. Вместе с тем в посткоммунистических странах создание и укоренение демократических институтов сталкивалось со значительными трудностями и проходило с разной степенью интенсивности. Проведение конкурентных выборов в значительной части посткоммунистических государств не привело к формированию устойчивых механизмов смены власти в результате выборов, необходимых для развития электоральной демократии [Пшеворский, 1999, с. 28]. Отсутствие сменяемости власти в ряде посткоммунистических государств (например, в России, Азербайджане, Казахстане, Таджикистане) в течение длительного времени позволяет говорить о формировании политических режимов с доминантной партией. Становление и развитие однопартийного доминирования приводит к необходимости рассмотреть ключевые характеристики такого режима, чтобы изучить возможности его функционирования в этих странах.

Конкурентные выборы без сменяемости власти

С увеличением влияния избирательных процессов в политических системах разных стран в XX в. во многих случаях получили распространение практики устойчивого электорального превосходства одних и тех же политических сил в результате цикла регулярных побед на выборах, проводившихся на альтернативной основе¹. Таким образом, одна политическая партия играла ведущую роль в политическом процессе на протяжении длительного непрерывного промежутка времени. Такое противоречивое явление, как длительное сочетание формальной политической конкуренции с отсутствием ротации власти и оппозиции, заслуживает особого исследовательского внимания.

Необходимо отметить, что в посткоммунистических странах период однопартийного доминирования имеет незначительную продолжительность, а режимы с доминантной партией скорее находятся на этапе становления. Вместе с тем устойчивое электоральное превосходство и непрерывное пребывание у власти правящих партий в России, Азербайджане, Казахстане и Таджикистане позволяют рассматривать режимы в этих странах в контексте функционирования режимов с доминантной партией.

Главное отличие любой доминантной партии заключается в том, что она вполне может считаться правящей в полном смысле этого слова, так как она играет «ведущую роль относительно доступа к большинству важнейших политических должностей» [Reuter, Remington, 2009, p. 503]. Это подразумевает полномочия по проведению в жизнь политического курса, назначение партией определенных лиц на ответственные государственные должности, получение привилегированного доступа к государственным ресурсам для поддержания собственных позиций у власти.

Однако в посткоммунистических странах доминантные партии занимают, скорее, периферийное положение в системе принятия политических решений и процессе выдвижения кандидатур на высшие должности. Партия «Единая Россия» в России, партия «Новый

¹ В разное время режимы с доминантной партией функционировали или продолжают функционировать в Японии, Гамбии, Кении, Либерии, Мексике, Парагвае, Сенегале, Ботсване, Танзании, Малайзии, Тайване, Мозамбике, Швеции и других странах.

Азербайджан» в Азербайджане, партия «Нур Отан» в Казахстане, Народная демократическая партия Таджикистана обладают куда меньшей автономией от исполнительной власти, при этом основным центром принятия важнейших политических решений выступают не столько доминантные партии, сколько ориентирующиеся на главу государства правящие группы. Таким образом, однопартийное доминирование в посткоммунистических государствах сочетается с выраженным персоналистским характером режима.

Ряд авторов предлагают собственное видение того, что понимать под режимом с доминантной партией и соответствующей партийной системой. Например, Б. Магалони, предлагающая наиболее общее и вместе с тем неконкретное определение однопартийного доминирования, считает, что это система, в которой одна политическая партия удерживает власть в государстве непрерывно на протяжении нескольких десятилетий в условиях проведения регулярных альтернативных выборов [Magaloni, 2006, p. 32].

В отличие от однопартийных диктатур в режимах такого типа разрешена легальная политическая конкуренция и могут законно существовать и участвовать в выборах оппозиционные правящему режиму партии. В последнее время многие государства, всего лишь введя регулярные многопартийные выборы, проделали путь от однопартийных диктатур к авторитарным режимам с доминантной партией. Тем не менее это во многих случаях не изменило правящего положения действующих политических партий и лидеров.

Учитывая особенности однопартийного доминирования и в условиях демократии, и в условиях авторитаризма, К. Матлоза и Ш. Карьюм определяют систему с доминантной партией в качестве системы, в которой хоть и существует много партий, но только одна из них занимает ведущее место в рамках той или иной политической системы и удерживает власть в государстве на протяжении достаточно длительного времени [Matlosa, Karume, 2004, p. 10]. Говоря более конкретно о сроках доминирования той или иной партии, К. Грин считает партию доминантной в том случае, если она удерживает устойчивое большинство в законодательных и исполнительных органах власти на протяжении как минимум 20 лет или четырех электоральных циклов подряд [Greene, 2007, p. 12]. Т. Пемпел предлагает относить к системам с доминантной партией такие режимы, в которых наблюдается непрерывное элек-

торальное господство одной и той же политической силы в течение значительного периода времени [Rempel, 1990, p. 1]. Кроме этого общепринятого критерия, Т. Пемпел считает релевантными и такие аспекты, как продолжительное доминирование одной партии в процессе формирования правительства и определении основного содержания общественной повестки.

С точки зрения продолжительности непрерывного электорального превосходства на общенациональных выборах, необходимого для формирования устойчивого политического режима с доминантной партией, большинство исследователей придерживаются близких позиций: для К. Грина этот период составляет 3–4 электоральных цикла, или 20 лет, для Б. Магалони – несколько десятилетий, для К. Матлозы и Ш. Карьюма, для Т. Пемпела – это значительный промежуток времени, а для Дж. Сартори – победа на трех последовательных выборах [Sartori, 1976, p. 260].

Таким образом, политический режим с доминантной партией включает: 1) регулярное проведение выборов на альтернативной основе в высшие органы государственной власти на общенациональном уровне с участием более одной партии или кандидата; 2) непрерывное превосходство одной и той же политической силы над всеми остальными политическими силами на всех общенациональных выборах на протяжении более трех электоральных циклов подряд; 3) непрерывное пребывание у власти в стране одной и той же политической силы на протяжении как минимум нескольких электоральных циклов подряд.

Приведенные характеристики находят отражение в ряде посткоммунистических режимов. В России, Азербайджане, Казахстане и Таджикистане регулярно проводятся конкурентные выборы, в том числе общенациональные (президентские и парламентские), в результате которых непрерывно побеждают одни и те же политические силы, остающиеся у власти на протяжении длительного времени.

Качества демократии и авторитаризма

В основе устойчивости доминирования той или иной политической партии могут быть как демократические, так и авторитарные механизмы. В связи с этим в эмпирической политической

науке можно считать устоявшимся разделением конкретных режимов на две группы: те, которые сохраняют длительное доминирование на политической арене в условиях относительно демократического режима (Швеция, Япония, Индия), и существующие при авторитаризме (Институционально-революционная партия в Мексике). В отношении первого случая М. Дюверже определял доминантную партию как более крупную, чем другие, дистанцирующуюся от своих конкурентов и сохраняющую парламентское большинство в течение длительного времени [Дюверже, 2000, с. 377].

В этом виде доминирование партий основано на применении демократических практик функционирования политического режима. Хотя это и выглядит парадоксальным: неслучайно такого рода режимы впоследствии получили название «нетипичных демократий»¹.

Именно поэтому среди ученых распространено мнение о том, что длительное доминирование одной партии даже в условиях демократического режима в определенной степени отдаляет ту или иную политическую систему от демократических стандартов. Продолжительная гегемония одной партии снижает вероятность смены власти, а следовательно, не соответствует образному определению демократии по А. Пшеворскому. С его точки зрения, демократией можно считать ту «систему, в которой правящие партии проигрывают выборы» [Пшеворский, 1999, с. 28], т.е. в качестве главного признака демократии выступает реальность периодической ротации власти.

Очевидно, значение политической партии как агента общественного влияния и представителя интересов граждан на политической арене не согласуется с приобретением ею статуса части государственного механизма. В связи с этим существование системы с доминантной партией, даже в условиях демократии, как минимум ведет к некоторому сращиванию государства с одной партией. Весьма вероятным следствием этой трансформации может стать увеличивающееся превосходство государства над обществом, что непременно влечет за собой более частые и масштабные злоупотребления властными полномочиями, в том числе рост политиче-

¹ См. название книги под ред. Т. Пемпеля: *Uncommon democracies: The one-party dominant regimes* / Pempel T.J. (ed.). – Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. press, 1990. – 371 p.

ской коррупции. Это может привести также к снижению общественной активности на уровне автономных, независимых от действующей власти, групп гражданского общества.

Вместе с тем такого рода представление о неполном соответствии любого режима с доминантной партией демократическим критериям не является общепринятым в политической науке. Многие исследователи считают, что неверно количественные критерии партийной системы возводить в ранг критерия демократии. Так, например, А. Ариан и С. Барнс предлагают проводить разграничение не между демократическими и авторитарными режимами с доминантной партией, а между однопартийными режимами и всеми системами с доминантной партией в целом. Основываясь на анализе вполне демократических послевоенных режимов Израиля и Италии, они склонны полагать, что устойчивое доминирование одной партии в отличие от однопартийной диктатуры «произрастает из стратегических политических решений, которые делает партийная элита» [Arian, Barnes, 1974, p. 599].

Иными словами, немалую роль в таких режимах играет политическая стратегия, прежде всего та, которая касается остальных партий. Как полагают А. Ариан и С. Барнс, эта стратегия сводится к двум базовым целям: удерживать доминантную партию в центре политического пространства и «выборочно мобилизовывать сегменты населения в зависимости от потребностей партии и ее абсорбирующего потенциала» [Arian, Barnes, 1974, p. 599]. Этим авторы советуют любой претендующей на длительное доминирование партии идеологически ориентироваться на так называемого медианного избирателя [Downs, 1957], с тем чтобы завоевать его симпатии и обеспечить себе победу на выборах.

А. Ариан и С. Барнс выделили два ключевых преимущества подобных политических режимов: во-первых, доминантная партия является намного более эффективным механизмом стабилизации по сравнению с фрагментированными партийными системами; а во-вторых, господство доминантной партии так или иначе основано на политической конкуренции и сочетается с наличием определенной совокупности гражданских свобод – необходимого фундамента устойчивой демократии.

Вместе с тем грань между демократическими и авторитарными режимами, так или иначе опирающимися на доминантные

партии, не выглядит достаточно четкой. В этом смысле представляется интересным критерий, предложенный Е. Мелешкиной: различия заключаются в характере используемых для поддержания господства доминантной партии механизмов.

Автор полагает, что в относительно демократических режимах эта задача решается путем «создания компенсаторных механизмов, не ущемляющих права других сил на доступ к власти в результате соревнования, но ограничивающих их фактические возможности» [Мелешкина, 2006, с. 146]. В качестве примеров такого рода инструментов она, в частности, называет внутрипартийную фракционность и соревнование. В условиях же авторитаризма для сохранения режима доминирования одной партии, прежде всего, применяются недемократические методы и практики.

Однопартийное доминирование в посткоммунистических режимах в значительной степени обеспечивается через использование авторитарных инструментов. В связи с этим, несмотря на наличие конкуренции на выборах, существует неравенство условий борьбы за голоса избирателей между властью и оппозицией и распространено применение правящим режимом фальсификаций и репрессий, что подрывает функционирование демократических институтов.

Истоки формирования однопартийного доминирования

Большинство ученых согласны с тем, что первые доминантные партии возникли в XX в., однако они предлагают разные объяснения факторов оформления такого рода режимов. Например, Е. Мелешкина считает, что, как правило, закрепление систем с доминантной партией было вызвано целями ускорения модернизации и консолидации политического режима. Автор полагает, что в XX в. такого рода режимы распространились прежде всего на страны так называемой «догоняющей модернизации». В большинстве таких государств сохранялись традиционные, построенные на принципах иерархии социальные отношения, неправительственные общественные организации были не институционализированы в качестве самостоятельного субъекта влияния на политический процесс. В подобных условиях государство зачастую предприни-

мало определенные усилия по формированию гражданского общества и устанавливало механизмы контроля за его деятельностью [Мелешкина, 2006].

На сегодняшний день насчитывается три наиболее признанные теории возникновения политических режимов с доминантной партией. Согласно первой из них, партийная система отражает классовую структуру общества. Например, с точки зрения классиков политической науки С.М. Липсета и С. Роккана, при отсутствии устойчивых и ярко выраженных различий (размежеваний) между социальными и экономическими классами не будет сформирован необходимый фундамент для устойчивого долговременного функционирования более чем одной партии. Эту теорию особенно поддерживают те, кто исследует африканские случаи однопартийного доминирования, так как в их отношении она выглядит особенно достоверной [Липсет, Роккан, 2004].

Некоторые исследователи придерживаются во многом противоположной точки зрения и считают, что основание для такого типа режимов лежит в потребности уравновешивать центробежные тенденции гетерогенного общества [Huntington, 1970, p. 10]. Эти функции и призвана выполнять одна мощная политическая сила, которая способна консолидировать разрозненную структуру общества. Данную теорию хорошо подтверждает случай Малайзии и ряд других мультиэтнических государств.

В отношении посткоммунистических режимов эта теория может хорошо объяснить возникновение однопартийного доминирования в Казахстане, где существуют выраженные межклановые расколы. Становление однопартийного доминирования в Казахстане происходило через создание в партии «Нур Отан» возможностей для представительства различных жузов, составляющих клановую структуру общества [Ербосынов, Изтлеуов, 2007].

Выраженная гетерогенность того или иного общества как один из факторов установления политического режима с доминантной партией подразумевает наличие устойчивых этнических и лингвистических расколов между крупными социальными группами, составляющими большинство граждан страны. В связи с этим одним из способов снятия остроты подобных противоречий является стремление к инклюзивности, к включению представите-

лей конфликтующих групп в большую мультиэтническую правящую коалицию.

Данная стратегия может сопровождаться равномерным распределением благ между разными этническими общностями, поддержанием их внутренней самооценки на приемлемом уровне и в итоге приводить к формированию устойчивых стимулов к эффективному развитию экономики страны в рамках стабильной, устраивающей подавляющее большинство населения политической ситуации. Как отмечает Д. Горовиц [Hogowitz, 1993, p. 25–27], именно умелая игра на стирании этнических противоречий путем создания селективных стимулов для разных групп к совместному управлению в различных сферах экономики и общества обеспечивает доминантной партии широкое поле для маневра и предоставляет значительные возможности оставаться у власти на протяжении длительного времени в условиях функционирования демократических политических институтов. Другим вариантом сглаживания этнических и лингвистических различий может выступать консоциативная демократия [Лейпхарт, 1997], механизмы которой могут быть использованы при относительном равенстве сегментов.

Наконец, с точки зрения еще одной теории, разработанной С. Хантингтоном, политический режим с доминантной партией является продуктом усилий политической элиты по созданию и легитимации власти одной общественной силы над другой в условиях существования раздвоенного общества. Эта раздвоенность может обретать на практике самые разные формы: социально-экономические, расовые, религиозные или этнические.

Хантингтон, анализируя функционирование доминантных партий в условиях гибридных политических режимов, приходит к выводу, что такого рода системы являются наиболее приемлемыми среди всех форм авторитаризма [Huntington, 1970, p. 4]. С его точки зрения, возникновение такого рода партий вызвано усилением социальной дифференциации общества и атомизацией граждан. Доминантные партии призваны сгладить эти противоречия, кооптируя в свою политическую орбиту различные социальные и правящие группы.

Кроме того, как полагает С. Хантингтон, создание доминантной партии обусловлено стимулами одного актора: когда он является достаточно влиятельным, он инициирует создание режи-

ма доминантной партии. Вместе с тем здесь стоит указать на одну важную проблему: этот ведущий актер, несомненно, желает кооптировать различные элиты в эту структуру, однако при этом он будет стремиться сохранить максимальную свободу действий для себя самого.

Современные американские политологи О. Рейтер и Т. Ремингтон к этому добавляют, что элиты заинтересованы в равных условиях и участии действующего правителя в партии, так как они не хотят быть в состоянии подчиненности, а желают быть уверенными в том, что партия будет надежным механизмом поставки карьерных и других ресурсов. Таким образом, обе стороны заинтересованы через создание доминантной партии получить максимальные выгоды для себя при минимизации издержек. Равновесие будет найдено тогда, когда каждая из сторон будет уверена в том, что и другая сторона тоже войдет в доминантную партию практически на тех же условиях [Reuter, Remington, 2009, p. 505].

Подходя с более практической точки зрения к этому вопросу, следует отметить, что многие режимы с доминантной партией, особенно в развивающихся странах, сформировались на волне различных событий национального масштаба. Например, в ЮАР подобную роль сыграла борьба с апартеидом; в Малайзии – длительный период колониальной зависимости, иностранной оккупации и последующего обретения государственной самостоятельности вследствие массового народного восстания; в Мексике – продолжительные революционные потрясения и связанная с ними политическая нестабильность; а на Тайвани – противостояние коммунистическому режиму в Китае. При этом в Малайзии и Южно-Африканской Республике параллельно происходило выведение местного коренного населения из неравноправного положения и наделение его всем комплексом политических, социальных и экономических прав наравне со всеми другими группами.

В России, Азербайджане, Казахстане и Таджикистане становлению режимов с доминантной партией предшествовали образование новых государств и переход от однопартийной диктатуры к электоральной конкуренции.

Особенностью доминантных партий в посткоммунистических режимах стало их формирование через создание «партий власти». В значительной степени предпосылки для создания и функ-

ционирования «партий власти» в рассматриваемых странах были заложены в особенностях институционального дизайна политической системы: в силу преобладания президента и второстепенной роли парламента, а следовательно, и политических партий. В процессе принятия политических решений глава государства получает стимулы по созданию «партий власти», роль которых сводится к претворению в жизнь законодательных инициатив исполнительной власти и электоральной мобилизации населения на выборах для придания большей легитимности политическому режиму.

Обеспечение интеграции элит

Закрепление доминирования правящих партий происходит по результатам непрерывного периода электорального превосходства на нескольких общенациональных выборах. Таким образом, доминантная партия остается единственным полноценным игроком в рамках партийной системы, безоговорочным лидером электорального процесса, находит многочисленную устойчивую социальную опору, состоящую из большинства избирателей, становится важным фактором внутризлитных отношений и ключевым актором в принятии политических решений.

Становление одной политической силы в качестве единственного и безоговорочного лидера политического и электорального пространства происходит в условиях консолидации элит. Прагматически настроенные представители политического класса и экономических кругов для реализации собственных властных амбиций или материальных интересов фактически не имеют выбора тактики достижения собственных целей и встраиваются в организационную структуру доминантной партии.

Таким образом, через преимущество в ресурсах доминантные партии аккумулируют в себе большинство политиков-прагматиков, чьей главной целью является построение успешной карьеры в политической сфере, и в частности получение государственных должностей [Greene, 2007, p. 5–6]. Богатые ресурсами партии привлекают лучших, наиболее харизматичных, популярных и компетентных политиков [Zaller, 1998]. Эта закономерность отмечается исследователями как в отношении авторитарных, так и

в отношении демократических режимов, например в США [Stone, Maisel, Maestas, 2004].

Кооптация ведущих политических и корпоративных групп в доминантную партию, в свою очередь, приводит к объединению вокруг ведущей политической силы значительных кадровых, организационных и финансовых ресурсов, масштаб которых становится особенно заметен на фоне ослабления ресурсного потенциала оппозиции вследствие снижения ее электорального потенциала.

В посткоммунистических режимах доминантные партии также выступают механизмом консолидации элит. В России устойчивость однопартийного доминирования в значительной степени обеспечивается через включение региональных элит в структуру партии «Единая Россия». В 2000-е годы между федеральным центром и руководителями регионов сложилась практика взаимовыгодного обмена ресурсами, в условиях которого региональные элиты обеспечивают высокие электоральные результаты партии «Единая Россия» и связанных с ней кандидатов в обмен на сохранение доминирования в рамках своих территорий [Голосов, 2008].

В условиях однопартийного доминирования оппозиция зачастую не может всерьез рассчитывать на какое-либо устойчивое финансирование со стороны бизнеса, прежде всего, по причине низких шансов на победу. Ресурсная бедность оппозиции, которая проистекает из вполне прагматических закономерностей развития политического процесса, не позволяет оппозиционным организациям выступать в роли привлекательных структур для притока конкурентоспособных лидеров, нацеленных не только на получение возможности выражения своих политических взглядов, но и на реальную борьбу за властное влияние и реализацию собственных прагматических интересов.

Как справедливо указывает Г. Кокс [Cox, 1997, p. 166], когда режим с доминантной партией обладает высокой устойчивостью, прагматически ориентированные политики либо будут вступать в доминантную партию, либо вообще не будут связывать себя партийной принадлежностью. Таким образом, заинтересованные в политической карьере люди, нацеленные на становление себя в качестве публичного должностного лица, с большей вероятностью будут вступать в доминантную партию и при этом не будут создавать

новую, так как в первом случае цена достижения собственных прагматических целей оказывается ниже.

В условиях персоналистского характера посткоммунистических режимов однопартийное доминирование способствует обеспечению преемственности и консолидации правящих групп при смене главы государства, в ходе которой может возникать проблема нелояльности элит. В связи с этим доминантные партии в посткоммунистических режимах выступают инструментом монополизации административного контроля над политической повесткой и механизмом предупреждения возможностей альтернативной координации элит [Гельман, 2008, с. 138–139].

Власть и оппозиция на электоральном пространстве

В рамках конкуренции на выборах власть, несменяемая на протяжении длительного времени, получает устойчивое превосходство над оппозицией, связанное с перевесом в ресурсах и ожиданиями элит и избирателей. В условиях концентрации разных групп политических и экономических элит, а вместе с ними и значительных ресурсов, доминантные партии получают изначальное превосходство над оппозицией, что приводит к формированию заведомо неравных возможностей достижения победы на выборах.

Ресурсная бедность оппозиционных партий, ограничивающая их привлекательность для прагматически настроенных лидеров, во многом предопределяет их нишевую ориентацию, далекую от предпочтений медианного избирателя и, следовательно, неспособную принести партии победу на выборах. В то время как оппозиционные партии значительно удаляются от предпочтений медианного избирателя, доминантные партии, наоборот, тяготеют к минимизации собственной идеологизированности, наибольшей всеохватности и стремятся к вовлечению в свою электоральную орбиту как можно большего числа избирателей.

Таким образом, доминантная партия для завоевания устойчивой привлекательности и в целях обеспечения регулярного электорального превосходства над своими конкурентами в процессе закрепления гегемонии неизбежно смещается в центр политического пространства. Доминантная партия превращается из полити-

ческой силы как части политического спектра в структуру, максимально отходящую от значимой идеологической идентификации и репрезентирующую все наиболее значимые политические позиции, имеющиеся в обществе.

Именно внеидеологическое, «всеохватное» [Kirchheimer, 1966, p. 190], максимально близкое к позиции медианного избирателя позиционирование позволяет доминантной партии удерживаться у власти длительное время без поражений и прихода к власти ее политических оппонентов.

Доминантная партия стремится к объединению вокруг себя устойчивого большинства избирателей, становясь привлекательной политической силой для граждан, имеющих разные идеологические взгляды и социально-групповую принадлежность. Даже Социал-демократическая рабочая партия Швеции, имевшая отчетливую идеологическую идентификацию, опиралась не только на представителей рабочего класса, но и на средний класс. Г. Гильом и Ч. Симкинс называют эту трансформацию доминантной партии превращением ее из эксклюзивной структуры, обладающей очевидным и четким электоральным ядром, в инклюзивную [Giljomee, Simkins, 2005, p. 4], характеризующуюся крайне размытой социальной базой.

В дополнение к этому у рядовых избирателей формируются своеобразные психологические ожидания, связанные с предсказуемостью исхода выборов и отсутствием значимых стимулов голосовать за оппонентов правящей партии, которые, скорее всего, потерпят поражение, а симпатии граждан будут потрачены впустую.

Для поддержания доминирования одной политической силы на протяжении длительного времени и подтверждения этого статуса в ходе регулярных электоральных процедур правящей партии необходимо эффективно сочетать динамизм и гибкость. В этом смысле доминантная партия должна чутко чувствовать изменения общественных настроений, предугадывать логику социально-экономического развития страны, находить эффективные ответы на новые вызовы, обновлять персональный состав партийного руководства, формировать востребованную у граждан повестку дня, умело варьировать собственную тактику, сохраняя реальную поддержку избирателей.

В связи с этим доминантной партии следует позиционировать себя в качестве центра политического пространства, тем самым смягчая, частично элиминируя общественные конфликты («cleavages» или расколы, по С.М. Липсету и С. Роккану [Липсет, Роккан, 2004]) путем представительства их интересов через артикулирование проблем, которые являются значимыми для той или иной группы граждан.

Правящая партия, завоевывая широкий центр политического пространства и регулярно получая поддержку большинства избирателей, перестает быть партией в классическом смысле, т.е. выражать интересы и быть политическим агентом определенной группы граждан, обладающих достаточно четкими культурно-идеологическими предпочтениями и схожими экономическими характеристиками, и становится партией-коалицией целого [Collier, 1992], охватывающей самые разные сегменты общества за счет ухода от устойчивой идеологической идентификации и переноса акцента на непротиворечивые программные и мобилизационные установки.

Долговременная устойчивость режимов с доминантной партией во многом формируется в силу изменения ожиданий прагматически ориентированных элит, которые с целью реализации собственных интересов фактически передают собственные ресурсы и электоральные возможности на уровень организационной структуры доминантной партии, что приводит к закреплению значительного ресурсного неравенства между властью и оппозицией и снижает неопределенность исхода выборов.

В посткоммунистических режимах идеологическое позиционирование доминантных партий также характеризуется размытостью программных установок. Например, российская партия «Единая Россия» сочетает консервативные, либеральные, социалистические и национально-патриотические взгляды, а также делает одновременно акцент на свободе, законности, порядке, справедливости, патриотизме, притязаниях России на роль мирового лидера. Более того, один из лидеров «Единой России» в прошлом, Б. Грызлов, считает, что идеология «Единой России» «должна выражаться в реальных результатах работы» [Грызлов, 2007, с. 83], тем самым фактически подменяя идеологию внеидеологическими и ни у кого не вызывающими отторжения лозунгами.

Вследствие отсутствия в ряде посткоммунистических государств сложившихся социально-экономических и политических расколов уход доминантных партий от выраженной идеологической идентификации скорее не смягчает общественные конфликты, а препятствует их формированию в виде устойчивых межпартийных размежеваний, что не способствует институционализации партийной системы в целом [Липсет, Роккан, 2004].

В заключение стоит отметить, что сложившееся в ряде посткоммунистических стран господство одних и тех же политических сил, основанное на отсутствии сменяемости власти на протяжении длительного времени в условиях проведения конкурентных выборов, может рассматриваться как становление режима с доминантной партией, а это, в свою очередь, предполагает формирование особой логики политического развития в рамках однопартийного доминирования.

Литература

- Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. – М., 2008. – № 5. – С. 135–152.
- Голосов Г.В. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. – М., 2008. – № 1. – С. 22–35.
- Грызлов Б.В. Две партии в одной // Русская политическая культура. Взгляд из утопии: Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете» / Ремчуков К.В. (ред.). – М.: Независимая Газета, 2007. – С. 79–86.
- Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – 538 с.
- Ербосынов К., Изтлеуов С. «Нур Отан» – партия согласия старшего и среднего жузов // ZonaKZ. – Алау, 2007. – 22 августа. – Режим доступа: <http://www.zonakz.net/articles/19032> (Дата посещения: 18.04.2014.)
- Лейхарт А. Демократия в многосоставных обществах. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
- Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – № 4. – С. 204–234.
- Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2006. – № 1. – С. 135–161.
- Пшеворский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. – 319 с.
- Arian A., Barnes S.H. The dominant party system: A neglected model of democratic stability // The journal of politics. – N.Y., 1974. – Vol. 36, N 3. – P. 592–614.

- Collier R.B.* The contradictory alliance: State-labor relations and regime change in Mexico. – Berkeley: Univ. of California at Berkeley, 1992. – 187 p.
- Cox G.V.* Making votes count: Strategic coordination in the world's electoral systems. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1997. – 340 p.
- Downs A.* An economic theory of democracy. – N.Y.: Harper and Row, 1957. – 310 p.
- Giliomee H., Simkins C.* The dominant party regimes of South Africa, Mexico, Taiwan and Malaysia: A comparative assessment // The awkward embrace: One-party domination and democracy / Giliomee H., Simkins C. (eds.). – Amsterdam: Taylor & Francis, 2005. – P. 1-45.
- Greene K.F.* Why dominant parties lose?: Mexico's democratization in comparative perspective. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 350 p.
- Horowitz D.L.* Democracy in divided societies // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 1993. – Vol. 4, N 4. – P. 18-38.
- Huntington S.P.* Social and institutional dynamics of one-party systems // Authoritarian politics in modern society: The dynamics of established one-party systems / Huntington S.P., Moore C.H. (eds.). – N.Y.: Basic Books, 1970. – P. 3-47.
- Kirchheimer O.* The transformation of the western European party systems // Political parties and political development / La Polamabara J., Weiner M. (eds.). – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1966. – P. 177-200.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.
- Matlosa K., Karume S.* Ten years of democracy and the dominant party system in South Africa // Election update 2004: South Africa. – Auckland Park, 2004. – Vol. 5. – P. 8-14.
- Pempel T.J.* Introduction. Uncommon democracies: The one-party dominant regimes // Uncommon democracies: The one-party dominant regimes / Pempel T.J. (ed.). – Ithaca, N.Y.: Cornell univ. press, 1990. – P. 1-32.
- Reuter O.J., Remington T.F.* Dominant party regimes and the commitment problem: The case of united Russia // Comparative political studies. – Beverly Hills, CA, 2009. – Vol. 42, N 4. – P. 501-526.
- Sartori G.* Parties and party systems: A framework for analysis. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1976. – 383 p.
- Stone W.J., Maisel L.S., Maestas C.D.* Quality counts: Extending the strategic politician model of incumbent deterrence // American journal of political science. – Hoboken, NJ, 2004. – Vol. 48, N 3. – P. 479-495.
- Zaller J.* Politicians as prize fighters: Electoral selection and incumbency advantage // Politicians and party politics / Geer J. (ed.). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 1998. – P. 125-185.